

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ В МИРОВИДЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

(El ser humano como objeto de valoración en la concepción del mundo
de los representantes de la élite creadora - sobre el material de la
obras de memorias literarias)

*Ольга Петрова, Альмира Аминова,
Казанский государственный университет (Россия)*

Olga Petrova, Almira Aminova
Universidad Estatal de Kazán (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española N° 6 (2010), 73-87

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу оценочной лексики (имена существительные и прилагательные) на материале мемуарной литературы представителей элитарной культуры XIX-XX веков с применением классификаций Е.М. Вольф и Н.Д. Арутюновой. На примере лексико-семантической группы 'лицо' семантического поля Человек выявлены различные типы оценок: этические, эстетические и совмещенные, имплицитно и эксплицитно отраженные в языке; рассмотрены как ингерентные (системные, узуальные), так и адгерентные (контекстуальные и окказиональные) оценки и способы их репрезентации в мемуарном пространстве. Наблюдения за оценочной лексикой в ракурсе изучения основных принципов и приоритетов этнического, гендерного менталитетов в синхронно-диахронном аспекте позволили определить оценочный потенциал лексики русской мемуарной прозы в ее сопоставлении с языком английских мемуаров.

Ключевые слова: мемуарная литература, оценочная лексика.

RESUMEN

El objeto de dicho artículo es el análisis del léxico valorativo (sustantivos y adjetivos) de la literatura de memorias de los representantes de la cultura de élite de los siglos XIX-XX con la aplicación de las clasificaciones de E.M. Wolf y N.D. Arutyunova. En el ejemplo del grupo léxico-semántico "persona" del campo semántico "ser humano" se han mostrado diferentes tipos de evaluación - ética, estética y simultánea - que se reflejan en la lengua explícitamente o implícitamente. Se han estudiado tanto valoraciones inherentes (sistémicas, usuales) como adherentes (contextuales, ocasionales) y los modos de su representación en el espacio de memorias. La observación del léxico valorativo desde la posición del estudio de los principios básicos y las prioridades de la mentalidad étnica y de género en el aspecto sincro-diacrónico ha permitido determinar el potencial valorativo del léxico de la prosa de memorias rusa en su comparación con la lengua de memorias inglesas.

Palabras clave: léxico de memorias, léxico valorativo.

В настоящее время концепция В. Гумбольдта, основной идеей которой является изучение языка в тесной связи с человеком и его культурой, вновь привлекает к себе внимание. В философии, лингвистике и лингвокультурологии намечилась тенденция к более полному изучению человека – его природы, внешности, внутреннего мира, менталитета и т.д.

В литературе человек является объектом достаточно подробного анализа: он - предмет жизнеописаний и характеристик, хроник и летописей, автобиографий и эпистолярного жанра, некрологов и проповедей.

Большое количество мемуарной литературы, появившейся в последнее время, помогает проникнуть во внутренний мир человека, понять многомерность личности автора-мемуариста: духовный облик, мир ценностей, идеалов, устремлений личности, которые выражаются в чертах характера и стереотипах поведения, методах мышления, жизненных целях. Но как отмечал Э. Бенвенист, «именно в языке и благодаря языку человек конструируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть ...» (Бенвенист 1974: 293).

В научной литературе мемуары определяются как «произведения письменности, закрепляющие в той или иной форме воспоминания об их прошлом», «художественная автобиография в узком смысле, рассказ о личной судьбе писателя, о спутниках его жизни, о событиях, свидетелем которых он был, в конечном счете – о судьбах эпохи, современником которой довелось быть писателю» (Романова 2003: 35–38).

Словарное толкование, различные литературоведческие дефиниции мемуаров детерминируют наличие определенного круга специфических особенностей, характерных как для жанра в целом, так и для разновременных мемуаров, в частности.

Основополагающим моментом, определяющим мемуаристику как жанр, является субъективное начало.

Человек фиксирует в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, эмоции и интеллект, отношение к миру, природе, труду, друг к другу, а чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше он «параметризован». Этим и объясняется пристальное внимание мемуаристов к личности, к Человеку. Человек в мемуарной литературе и объект, и субъект познания, поэтому многое в видении человека зависит от позиции наблюдающего субъекта. И чем различимее разница во взглядах разных субъектов, тем ярче и интереснее её отражение в языке, в частности, в оценочной лексике.

Так, во всех мемуарных текстах присутствуют имена существительные с оценочным значением, которые используются одновременно для именования лица и предсказуемой оценки. Как часть речи имя существительное может и идентифицировать и характеризовать, поскольку в значениях лексем есть и денотативные и сигнификативные компоненты. Кроме того, оценочные существительные, номинирующие человека, обозначают постоянные свойства объекта оценки.

Неоднородность оценочного компонента оценочных номинаций лиц обуславливает разное взаимодействие его с другими компонентами в структуре значения слова. Эмоциональная оценка содержится в коннотативном аспекте значения, а этическая и эстетические оценки пронизывают оба аспекта (денотативное и коннотативное) значения слова и не отделимы от одного из них. Однако оценочный компонент во всех видах оценок по-разному взаимодействует со словарными значениями. При этом оценка в мемуарных текстах часто входит в общее построение описания или рассуждения с его аргументацией и органически связана с содержательной стороной текста в целом. Интересно, что при этом приобретают оценочный смысл и те слова, которые сами по себе оценки не выражают (Вольф 1985: 203–204); имеется в виду

адгерентная контекстуальная оценка, которая также может подчиняться дробному делению в соответствии с выбранной нами классификацией.

Для современной русской исповедальной прозы характерно ментальное, аналитическое восприятие действительности, причем, как замечено исследователями, это восприятие чаще иррационально, т.е. интуитивно, эмоционально. А иррациональность отмечается в числе основных черт русской концептуальной картины мира. Как пишет А. Вежицкая, «эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоциональных оттенков; «иррациональность» (или «нерациональность») – подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни. Наряду с такими чертами русской ментальности как эмоциональность и иррациональность, также замечена любовь к морали – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других, и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям (Вежицкая, 1996: 33–34).

Категория субъективной оценки в большей или меньшей степени присуща всем мемуарным текстам, но в одних она завуалирована, выражена подтекстом, имплицитными средствами, в других же выражена эксплицитно, с помощью оценочных значений (в большей степени присуще мемуарам исповедального характера).

Сосредоточение внимания на исповедальной прозе актеров конца XIX–XX вв. позволяет выявить тенденции употребления оценочной лексики в современной речи представителей «элитарной культуры», по сравнению с речью конца XIX–XX вв., на основании чего можно сделать вывод об особенностях современной элитарной языковой личности, выявить сходства и различия «языковых паспортов» мужчин и женщин, принадлежащих к рассматриваемому классу общества. Отметим, что для нас важнее не сам образ автора, а его позиция – «ценностная позиция», «ценностная установка», которая лучше всего может быть отражена в мемуарном жанре, который позволяет говорить и писать открыто, в меньшей степени прибегая к имплицитным средствам.

С целью выявления особенности языковых личностей, их языкового вкуса оценочная лексика рассматривается нами с позиций трех обязательных (для акта оценки и рефлексии сознания) вопросов: что оценивается авторами мемуаров, как оценивается и какая оценка дается, как оценка выражается в мемуарном тексте (на примере имен существительных и прилагательных лексико-семантической группы 'лицо').

Анализ данной ЛСГ показал, что *единицы с этической оценкой* напрямую соотносятся с морально-этическими нормами, принятыми в данном обществе, и зачастую характеризуются через социальную соотнесенность объекта оценивания и его поведение.

Среди номинаций присутствуют оценки, характеризующие лиц из разных сфер жизни мемуаристов:

— *актеров, знакомых, друзей: главный остроумец страны, «шмакодявка», глобальный поздравляльщик, рифмоплет, суперзнаменитость* (Э.А. Рязанов), *бессребреник, добрейшей души человек, умница* (М.М. Плисецкая) и др.;

- чиновников, политиков, начальство: дурак бюрократ, самодур, чиновник-держиморда, чинуша, бюрократ, трус (М.М. Плисецкая), бюрократ-функционер, госкиновский доброхот, временщик, литературный провокатор (о Булгарине и Грече), цензор-доброволец (Э.А. Рязанов) и др.;
- Сталина: безумный генералиссимус, палач, тиран, «отец народов» (Г.А. Вишневская, М.М. Плисецкая) и др.;
- художественные образы, персонажей: «дурак», «дуралей», гусар-рубака, гусар-забияка, жлоб, монстр, паршивец (Э.А. Рязанов) и др.

В группе лексем с ингерентной оценочностью в большинстве случаев оценочный компонент представляет собой сплав этической и эмоциональной оценок (*держиморда, душегуб, прохвост, жулик, аферист, греховодник, враг, лодырь, плут, тиран, стукач, самодур, честолюбец, предатель, завистник, человеколюб, бессребреник*), причем чаще всего эмоционально-оценочные значения принадлежат аффиксам (*сверхпатриот, сверхученый, лгунишка, гадина, вражина, смельчиha, смельчак, гордец, упрямец, дружок*).

Различная соотнесенность оценочного компонента с другими элементами коннотации обуславливает разное взаимодействие его с другими компонентами в структуре слова. Так, например, лексема *шулер* имеет значение 'человек, применяющий жульнические, мошеннические приемы при игре в карты. || Вообще жулик, мошенник, плут' (Ушак.) и трансформируется в высказывание 'и это плохо', не сочетается с общеоценочными словами, что свидетельствует о наличии оценочного компонента в структуре значения и в то же время невозможности демонстрации отношения семантической контрастности, а функционирование единицы в предложении в качестве номинатива подтверждает отсутствие эмотивности (...*тут бывали и шулера и кокотки*, К.С. Станиславский). Подобным образом функционируют такие оценочные имена, как *авантюрист, заговорщик, злоумышленник, гуманист, лицемерка, бомж, греховодник, алкоголик*. Подобное функционирование оценочных номинаций зачастую связано с присутствующим в тексте предиката мнения и отсутствием экспрессии, что придает номинации оттенок неизменности, статичности признака. Заметим, что во многих текстах присутствуют лексемы *авантюрист* и *трус*, которые реализуются в качестве ингерентных единиц, что также связано с присутствием в тексте предиката мнения и отсутствием экспрессии: «... над ним смеялись и называли его *аферистом* и *авантюристом*» (К.С. Станиславский); «...В своем письме Вы возвели напраслину, оговорили меня, обозвали *трусом*» (Э.А. Рязанов). Тем не менее единицы, в которых разделение оценочного и эмоционального компонента не представляется возможным, в составе эмоционально-оценочной лексики доминируют.

Так, соотнесенность номинаций лиц с этической оценкой, осложненной эмотивностью, реализуется в ингерентной оценочной лексике следующих единиц: а) одиночных существительных: *«светоч», держиморда, храбрец, греховница, душегуб, зевака, козел, обалдуй, прохвост* и др.; б) словосочетаний: *добрый волшебник, первая скрипка*; в) сложных слов: *инженю-лирик, человек-самородок, сахарь-стряпчий*.

В контексте лексема может стать оценочной под влиянием сочетающихся единиц или смысла всего высказывания: *Артисты знали, что в театре коллеги (то есть свои, и это хорошо), были раскованны, играли в радость, вдохновенно* (М.М. Плисецкая).

Замечено, что прилагательные в сочетании с собственно оценочными существительными в оценочных контекстах способны играть роль аффективных слов, вносящих в высказывания экспрессивность и эмоциональность (*старая сплетница* (Т.Л. Щепкина-Куперник), *милый бессребреник*, *перевозбужденный графоман*, *бесчестная мошенница* (М.М. Плисецкая), *корыстолюбец тупоголовый*, *отпетый бандит*, *старый тиран*, *беспечный шарлатан*, *старый сластолюбец*, *услужливый холуй* (Э.А. Рязанов)), в некоторых случаях такой функцией обладают и местоимения (*какой отличник!* Н.В. Мордюкова).

В группе лексем с адгерентной оценочностью большое место отводится функционированию слов с *контекстуальным оценочным компонентом* лексического значения, включающей в себя следующие единицы: лексику, оценочность которой возникает под влиянием сочетающейся единицы или контекста; лексику, оценочность которой является результатом реверсии оценочного знака, изменения социальных условий употребления оценочных единиц; лексику, оценочность которой возникает с помощью словообразовательных средств и кавычек, а также лексику, оценочный компонент которой зависит от языкового сознания носителя языка. Так, количественный анализ выявил ряд случаев, при которых оценочность возникает под влиянием сочетающейся единицы и всего контекста, определяющих неоднозначность получившегося образа (*мягкотельный интеллигент*, *способный, добрый и погибающий в обывательщине, как в болоте* (Т.Л. Щепкина-Куперник); *старательный дурак*, (К.С. Станиславский); *злаязычные скептики*, *завнавшийся дитя*, *партийный рыцарь*, (М.М. Плисецкая); *бездуховные мещане* (Э.А. Рязанов)). Так, само по себе не оценочное слово *элемент* в значении 'о человеке, личности как представителе какой-либо социальной группы' (БТС) приобретает отрицательную оценочность под влиянием сочетающейся единицы: *злонамеренный элемент* в значении 'о плохом, вредном и т.п. человеке', зафиксированном в словаре с пометой «неодобрительно». Подобное явление наблюдается и в следующих словосочетаниях: *тетка крикучая*, *тетка проклятущая*, *коммунистка неполноценная* (Н.В. Мордюкова) и др.

Кроме того, оценка может возникнуть и как результат изменения социальных условий употребления номинаций по социальной принадлежности, например, употребление лексемы *мещане* как обозначение бездуховности, косности (*бездуховные мещане*, Э.А. Рязанов). Интересными представляются случаи варьирования оценочного знака некоторых единиц под влиянием сочетающейся единицы. Так, лексема *кадр* имеет значение 'дисциплинированный и вполне пригодный для активной работы состав той или иной социальной, профессиональной группы' (Ушак.), однако в сочетании с эмоционально-оценочным прилагательным *отвратительные* «заражается» его отрицательным зарядом оценочности: *отвратительные кадры* (М.М. Плисецкая). Случаи реверсии оценочного знака проявляются также в результате сочетания оценочной единицы с интенсификатором (*подлинный интеллигент*, Э.А. Рязанов) и деинтенсификатором (*как бы интеллигент*, Э.А. Рязанов).

Заметим, что в таких лексемах, как *мещанин*, *интеллигент*, *аристократ* социальный характер выражения оценки проявляется ярче всего. Подобные слова (так называемая «амбивалентная» оценочная лексика, «возвращенные», «идеологизированные» слова), обозначают те явления и понятия, которые по-разному оцениваются представителями различных групп общества и восприятие которой обусловлено идеологией, мировоззрением, культурой, этикой и т.д.

Многие слова, обозначающие офицерские звания, должности, чиновников царского режима – *аристократ, мещанин, купец, царь, холоп, раб, министр* и т. д. приобрели неодобрительный оценочный компонент после революции. Впоследствии этот компонент был элиминирован, и слова снова вошли в употребление, обозначая уже новые денотаты, в иной социальной действительности. Исследователи отмечают, что переориентация оценок является каузатором глобальных изменений в жизни людей. Лексика как наиболее подвижный, динамичный уровень языковой системы реагирует на происходящие в обществе перемены весьма чутко и исторически быстро, и особенно отчетливо это можно наблюдать в периоды радикальных трансформаций государственного, социального, экономического устройства, которые сопрягаются с ломкой стереотипов поведения, переориентацией морально-этических установок, изменениями в аксиологической шкале.

Адгерентная оценочность может выражаться и ситуативно. Например, интерпретация, соответствующая узуальному толкованию оценочного компонента сложного слова *режиссер-деспот* (К.С. Станиславский) лексемы *деспот* ‘человек, принуждающий других поступать по его воле, не считающийся с чужими желаниями; тиран’ вносит пейоративное оценочное значение, однако если учесть результат, которого добивается самовластный режиссер, стремящийся научить молодых актеров дисциплине (опора на контекст) отрицательная интерпретация представляется в таком случае не вполне адекватной. Таким образом, в одном и том же значении представленных единиц, в зависимости от позиции субъекта оценки, возможно сосуществование положительного и отрицательного знаков. Такое явление называют *оценочной знантиосемией* (Сергеева 2003).

В ходе анализа субъективно-оценочных образований были выделены следующие случаи функционирования аффиксов субъективной оценки: 1) присоединение аффиксов к основам неоценочных лексем, с «заражением» их оценочностью и экспрессивностью (*чинуша, киночинуша, муженек, работничек, директоришка, писака, актеришка, женщишка и др.*); 2) присоединение аффиксов к основам оценочных лексем, с придачей им большей экспрессивности и эмоциональности (*лгунишка, диктаторишка, деляга, суперзнаменитость, полуподонок, шельма-актеришка, ловкач-продавец, вражина, актрисуля, трудяга, работяга, торгош и др.*); 3) присоединение аффиксов к оценочным словам со сменой оценочного знака (*лжеэрудит, лжетворец сверхпатриот, сверхученый, полупрофи, псевдогерой*).

Многие исследователи отмечают, что адгерентная оценка может выражаться графическими способами: с помощью кавычек, курсива и многоточия [Рао Суджата 1996, Клушина 2001], однако в анализируемых мемуарах наиболее часто встречаются лишь кавычки, выполняющие различные функции в пределах контекста. В предложении «*Он сошелся с Крестовской, любил ее глубоко и серьезно, но долго не решался жениться на ней, разделяя всецело предрассудки тогдашнего «общества» – девушка с ребенком, писательница, богема...*» (Т.Л. Щепкина-Куперник) слова «*общество*», *девушка с ребенком, писательница* не несут никакой оценки, однако в авторском употреблении приобретают негативный оттенок: многоточие, выражающее в данном случае имплицитно отрицательную социальную оценку, «заражает» соседние лексемы своей пейоративностью совместно с ингерентной отрицательно-оценочной единицей *богема* – ‘слой творческой интеллигенции, не имеющей устойчивого дохода, ведущей беспорядочную жизнь (о музыкантах, художниках, актерах, литераторах)’ (БТС 2001: 86). Таким образом, автор сомневается

в оценке данного общества, руководствующегося подобными «предрассудками», как соответствующего истинным требованиям морали и нравственности, выражая свои сомнения по этому поводу с помощью кавычек.

Также авторы используют кавычки для выражения несоответствия содержания внутренней формы слова действительности («*Самохвалов... «демократ», широкий, когда ему выгодно, щедрый, когда это принесет проценты...*» Э.А. Рязанов), для репрезентации оценочного значения прозвищ и кличек, сосуществующего с яркой образностью («*Это очень отразилось на его репутации: за ним установилась кличка «красного прокурора»* Т.Л. Щепкина-Куперник). В некоторых случаях кавычки используются для реверсии оценочного знака: «*Это сразу же почувяли некоторые мои «друзья» из съёмочной группы и понеслись жаловаться*»; «*доброжелатель*», «*друзья*» – Э.А. Рязанов, Л.М. Гурченко; «*Бедные земляки мяли платочки в руках, сгорая от стыда за свою «подружку*»; *русские «помощники», «предатели*» – Н.В. Мордюкова; «*Я начала искать педагога, чтобы попытаться вернуть себе голос, так надёжно забитый «душкой» Иваном Сергеевичем, милейшим приверженцем бельканто*» (Г. П. Вишневская).

В группу адгерентных оценок вошли также лексемы с окказиональным оценочным компонентом, который может быть образован на семантическом уровне (при употреблении слова в оценочном значении, не закреплённом в словарных источниках: *конюх, пастух, тарантул* – о политиках, *фразер*), на словообразовательном уровне (в сложных словах: *водитель-волкодав, правдоискатель-самоубийца, доносчик-прихлебатель* и при неузвальном сочетании морфем: *смельчиха, сталинчик, блатмейстер, удачник, мини-сталин*) и на уровне словосочетания (при неузвальном сочетании лексем – *политические импотенты*).

Интересными представляются не собственно авторские окказиональные номинации с этической оценкой, выработавшиеся в определенном кругу общества: («*великий путаник*» – Ленин об Отто Юльевиче Шмидте (Э.А. Рязанов), «*железный Шурик*» – комсомольцы о руководителе КГБ (М.М. Плисецкая), «*красносотенец*» – Эйзенштейн о С.А. Герасимове (Э.А. Рязанов), «*кукуруза*» – Ростропович о Булганине (Г.П. Вишневская).

Выявлено, что эстетическая и совмещённая оценки без эмоциональности практически не встречаются, что объясняется, на наш взгляд, философской природой эстетического, его ярко выраженной направленностью воздействовать на все органы чувств, непременно затрагивая при этом сферу эмоционально-чувственного восприятия эстетического объекта, исключая случаи, когда высказывания содержат предикат мнения: «*Как мне объяснили, в Париже принято обедать в платьях декольте, и женщина, не делающая этого, рискует прослыть уродом*» (Т.Л. Щепкина-Куперник). Что касается лексемы *урод*, то в мемуарной литературе это слово часто используется как бранная номинация, генерализующая прежде всего резко отрицательную этическую оценку: «*Сколько же моральных уродов породила советская власть!*» (Г.П. Вишневская). Заметим, что предикаты мнения также часто сопровождают лексемы *красавица, принцесса, эстет, звезда, рыцарь*.

В языке мемуарных текстов встречаются ингерентные единицы с эстетической оценкой, представленные в исходной словарной форме (*красавец, красавица, ангел, щеголь, верзила*), и оценочные лексемы с суффиксами субъективной оценки (*стиляга, детина, красотка, куколка*) и существительные, образованные на базе метафорического переноса (*кабан, кобыла, корова, цыпленок*). В некоторых случаях

подобные номинации сочетаются с интенсификаторами (*сухая красавица, писаная красавица, толстый цыпленок* – М.М. Плисецкая; *знаменитая красавица, смешной толстяк* – Э.А. Рязанов; *потный кабан, здоровая кобыла; А, какой красавец! Ой, какой ты красавец!* – Н.В. Мордюкова) и деинтенсификаторами (*по-своему красавец* – К.С. Станиславский).

Адгерентная лексика представлена в большинстве случаев образными наименованиями (*«королева красоты», «парижанка с ног до головы», накрашенная «невеста», хорошенькая «курочка»*), в которых эстетическая оценочность возникает под влиянием сочетающихся единиц и во многих случаях репрезентируется с помощью кавычек.

В данной группе оценочных слов присутствуют и номинации, представляющие собой сложные оценочные существительные (*человек-гора, лошадка-танцовщица, мама-царица*), редки употребления оценочных лексем, не представленных в толковых словарях: *«шмакодявка»* (исключение составляет БТС, в котором зафиксировано следующее значение: ‘о ком-либо маленького, небольшого роста (обычно о человеке или собаке)’ (БТС 2001: 1502).

Замечено, что употребляющиеся во всех русских мемуарах лексема *богатырь* и словосочетаний *русский молодец, «добрый молодец»* имеют значения, способные в разных контекстах реализовывать определенную сему – с этической или эстетической оценочностью или две семы совмещенно. Так, первое значение лексемы *богатырь* реализует этическую оценку (‘герой русских былин и сказок; воин, отличающийся необычайной силой, удалью, смекалкой’); второе значение – эстетическую оценку (‘о человеке высокого роста, крепкого телосложения, большой физической силы’) и этическую (‘о мужественном, стойком человеке’); третье же значение – ‘о человеке незаурядном, талантливом в какой-либо области’ репрезентирует совмещенную оценочность – *богатырь русской оперы* (Т.Л. Щепкина-Куперник). Совмещенность оценок в номинации *добрый молодец* может проявляться и в высказываниях пейоративной направленности: *«В тяжелейшие для себя время, когда КГБ додумался зачислить меня в английские шпионки и оперативная машина с тремя добрыми молодцами колесила за мной по Москве и стояла ночами под окнами в Щепкинском – все двадцать четыре часа в сутки, - я вспоминала эту картину»* (М.М. Плисецкая). В данном примере контекст, субъективное с оттенком иронии отношение автора к КГБ, его работникам указывает на определенные моральные качества и внешние характеристики людей, причисленных к этой организации.

Подобные номинации могут быть также результатом отражения народного сознания, знания фольклорных мотивов и образов. Так, в предложении *«В молодости это был настоящий «добрый молодец», богатырь с русыми кудрями, как в былинах описывают»* (Т.Л. Щепкина-Куперник) выражена эстетическая оценка в чистом виде.

Совмещенность оценок и реверсия оценочного знака одновременно могут проявляться как следствие временного фактора и полисубъектности, характерной для мемуарной прозы: *«...он встретил «роковую женщину» своей жизни, воспетую им под названием «тигренок», и, действительно, как тигрица, поглотившую и его любовь, и его молодость, и его состояние»* (Т.Л. Щепкина-Куперник). Заметим, что в данном случае неавторский лексический окказионализм *«тигренок»*, представленный неузualmente сочетанием морфем, имеет положительную совмещенную оценку, подразумевая с точки зрения субъекта «чужой речи» определенные положительные

моральные качества и красоту. В авторском комментарии прослеживается развертывание данной номинации в сравнительный оборот *как тигрица, поглотившую и его любовь, и его молодость, и его состояние*, демонстрирующий отрицательную этическую оценочность, так как его компонент *тигрица* в переносном значении реализует лишь отрицательную этическую оценку – ‘о жестокой и решительной женщине’ (БТС 2001: 1323).

Эстетическая оценочность может быть результатом репрезентации в речи языкового сознания автора (*кобыла, гном*), причем номинация *кобыла* может выступать и как положительно-оценочная (*Здоровая кобыла – скоро уже девять будет* (Н.В. Мордюкова)), и как аффективная отрицательно-оценочная или бранная (*Уйди, кобыла!* (Н.В. Мордюкова)). А лексема *гном* в результате метафорического переноса приобретает значение ‘человек очень маленького роста’ (БТС 2001: 212), в то время как в контексте происходит расширение значения – ‘о некрасивом мужчине’: *«И я невольно изумилась, что могло заставить эту красавицу <...> выбрать этого гнома... Пути женских сердец неисповедимы»* (Т.Л. Щепкина-Куперник). Следует отметить, что метафорический перенос – характерное явление для манифестации эстетической оценки внешности человека, причем чаще всего авторы используют номинации животных (*пес, волк, козел, медведь, бугай, львица* и др.), усиливая эмоциональность и экспрессивность добавлением субъективно-оценочного аффикса (*цыпленок, курочка, коровушка, бегемотик* и др.).

Ингерентная *совмещенная оценка* представлена тремя комбинациями оценочных значений: 1) внешность + моральные качества (*рыцарь, аристократ, принц, принцесса, кокетка, старуха, старушка, душка, мымра, фат, львица*); 2) талант + моральные качества (*«звезда», король сцены, мастер, виртуоз, гений, творец, чародей, профи, ас, непрофи, полупрофи, ремесленник* – в значении ‘человек, не вкладывающий в свою работу творческой инициативы, действующий по сложившемуся шаблону’, *рифмоплет, идол, талант, чудо*); 3) талант + моральные качества + внешность (*королева* – о Ермоловой, *юнец, примадонна*).

Заметим, что номинации *старуха* и *старушка, старушеница*, присутствующие во многих текстах, имеют одно и то же лексическое значение: ‘Женщина, достигшая старости’ (Ожег.). Однако форма *старушка* является уменьшительно-ласкательной от лексемы *старуха*, а *старушеница* его разговорным, шутивным (Ушак.) или фамильярным (БТС) вариантом. Кроме того, номинация *старушка* под влиянием сочетающихся единиц способна выражать эстетическую оценку в большей степени, при этом подразумевается, что приятный человек не может быть носителем отрицательных морально-этических качеств: *беленькая, розовая старушка* (Т.Л. Щепкина-Куперник), *краснощекий шарик, старушка пухленькая* (Н.В. Мордюкова) и наоборот: *вздорные барыни-старухи* (Э.А. Рязанов). Номинация может сочетаться с общеоценочным словом: *прелестная старушка* (К.С. Станиславский), приобретая тем самым совмещенную оценочность. Заметим, что номинация *прелестный старик* (Т.Л. Щепкина-Куперник) содержит совмещенную оценочность лишь в компоненте общей оценки. Лексема *старуха* может также выражать совмещенную оценочность: *дряхлая старуха* (Т.Л. Щепкина-Куперник), а может служить лишь средством номинации: *«Зная, что она мучается тем, что другая артистка заменяет ее в новой роли, я поехал к старухе, чтобы посидеть с ней»* (К.С. Станиславский), *«Красивая, бодряя старуха с яркими глазами и сохранившими румянец щеками»* (Т.Л. Щепкина-Куперник), *«...Тут недалеко от тебя, на улице Маяковского,*

живет очень интересная старуха, учительница пения» (Г.П. Вишневская). В тексте мемуаров встречаются и другие имена существительные, актуализирующие семы, указывающие не на пол или возраст объекта, а на морально-нравственные установки. Так, в предложении *«Мой ответ, конечно, вызвал бурю восхищения среди ребят - вот, мол, девчонка, а не продала! - и вознес меня на пьедестал»* (Г.П. Вишневская) лексема *девчонка* актуализирует не зафиксированное в словаре значение 'ябеда' – качество, свойственное, по мнению субъекта оценки, девочке (т.е. 'ребенку или подростку женского пола' (БТС 2001: 244)). В то же время в предложении *«Эх ты, мальчишка! Разве ты можешь понимать, что такое любовь!»* (Г.П. Вишневская) лексема *мальчишка* находит подтверждение своей оценочности в словарном толковании – 'о мужчине, проявляющем несерьезность, неопытность, легкомысленность в делах' (БТС 2001: 517).

Интересным представляется также функционирование лексемы *чудо*, которая в сочетании с эмотивностью становится общеоценочной единицей, способной выражать совмещенную оценку: *«Чудо, а не женщина!»* (Э.А. Рязанов).

Адгерентная совмещенная оценка в наибольшей степени определяется такой жанровой особенностью мемуарной прозы, как полисубъектность. Таким образом, адгерентная совмещенная оценка чаще всего присутствует в чужой, неавторской речи и совмещает те же оценочные значения, что и ингерентные оценочные слова, однако с меньшей способностью к расчлененности в силу большей зависимости от контекста: 1) внешность + моральные качества (*«чаровница», дракон, маленькая волшебница, Лель*); 2) внешность + талант (*«любитель», «примадонна», Шаляпин*); 3) внешность + моральные качества (*«респектбл мэнь», крикунья с бородавками, казаки - это будь здоров!*). Кроме того, в исповедальных текстах творческой интеллигенции в оценочном значении употребляются видовые наименования лиц по профессии: *поэт, писатель, композитор*, музыкант («+»), *не поэт, не писатель* («-») и т.д. Данные оценки, на наш взгляд, иллюстрируют единство этических и эстетических компонентов оценки, так как *поэт, писатель* – категория нравственная и эстетическая одновременно. Наиболее частотными оценочными лексемами, не конкретизирующими творческую и профессиональную принадлежность, являются слова *гений, виртуоз и мастер*.

Кроме того, оценочность возникает у контекстуальных единиц с помощью оценочных аффиксов при одновременной характеристике лиц по внешности, по степени проявления таланта и моральным качествам человека (*актрисуля, «кошечка», режиссернице, авторнице*); только по степени проявления таланта и моральным качествам (*писателишка*); по внешности и моральным качествам (*обаяшка, супермен, амурчик*). В отличие от лексем с этической оценкой, в анализируемых текстах зафиксированы единичные случаи функционирования словообразовательных аффиксов, способствующих реверсии оценочного знака (*лжетворец, лжеэрудит и др.*).

Что касается окказиональных образований, то в этой группе оценочных единиц они встречаются также в единичных случаях при доминировании употребления прецедентных собственных имен (*Лель, Шаляпин, мой Онегин*).

Таким образом, сопоставительный анализ рассматриваемых типов частнооценочных номинаций со значением 'лицо' показал, что русским мемуарам присущи номинации с эмоционально-оценочным компонентом. В ходе анализа было также выявлено, что пейорация в большей степени свойственна русским мемуаристам XX века (например, М.М. Плисецкой, Н.В. Мордуковой, Л.М. Гурченко,

Э.А. Рязанову, Г.П. Вишневской). Последнее объясняется тем, что особенности мемуарной прозы являются своеобразными проявлениями реакции ее авторов на политическую ситуацию в стране, связанные с ней отсутствие свободы выбора, ограниченность возможностей и т.д.

В текстах мемуаров наблюдается характерное для многих авторов сочетание различных частнооценочных значений и оценок по знаку в пределах одного предложения. Так, характеризуя образ, персонаж, роль, современников К.С. Станиславский, Т.Л. Щепкина-Куперник, Э.А. Рязанов оценивают как их моральные, интеллектуальные качества, так и социальный статус, что проявляется в наличии *комплексных оценок*: *очень* (интенсификатор) *симпатичный* (эстетическая оценка) *славный* (аффективное прилагательное) *обалдуи* (этическая оценка); *разных оценок по знаку*, образуя оксюморонные сочетания: *старый* («-») *сластолюбец* («-»), *но при этом славный* («+»), *мягкий* («+»), *наивный* («+»); *обаятельный* («+») *прохвост* («-») и др.). Такая особенность выражения оценочных суждений связана с мировоззренческим потенциалом говорящего, с профессиональной необходимостью видеть разные стороны человеческих проявлений, желанием раскрыть внутренний мир героя для наиболее точного актерского воплощения на сцене или съемочной площадке. Однако следует признать, что подобное столкновение оценочных знаков и значений в пределах одного предложения характерно только для объекта-персонажа; в случае оценки современников преобладают положительные оценки сублимированных оценочных значений; при этом в мемуарах Т.Л. Щепкиной-Куперник и К.С. Станиславского преобладают адгерентные совмещенные оценки, а в современных мемуарах – ингерентные морально-этические оценки, что объясняется стремлением современников к наибольшей объективности в описаниях типичных представителей творческой элиты, открытости и внутренней свободе. А присутствующие в текстах эстетические оценки чаще всего носят общеоценочный характер (*красавец, красавчик, красотка, принц, принцесса* и др.), в то время как большая часть единиц с эстетической оценкой в тексте Н.В. Мордюковой характеризует людей по конкретному признаку – по типу комплекции (*кобыла, бугай, коровушка* и др.).

Заметим, что авторы мемуаров – женщины в большей степени склонны интенсифицировать номинации (причем М.М. Плисецкая и Н.В. Мордюкова чаще интенсифицируют отрицательно-оценочные: *циничная банда подонков; старый, выживший из ума тиран; пакость гундосая; тетка проклятущая*, а Т.Л. Щепкина-Куперник положительно-оценочные: *мужественная воительница, нежный цветок, могушественная богиня, героическая амазонка*).

В мемуарных текстах прослеживаются случаи присутствия

— *аргументативных оценок* (Т.Л. Щепкина-Куперник, К.С. Станиславский, М.М. Плисецкая, Э.А. Рязанов, Г.П. Вишневская): «...они говорили, что он для них всегда был «светочем». К каждому его слову прислушивались. В общественном значении он был слишком большой силой. Отмечали и его редкую доброжелательность к людям: он умел радоваться чужому успеху не меньше, чем своему, и любить чужой талант не меньше, чем свой». « С каждой новой ролью Лилина завоевывала симпатии Москвы, но настоящее «боевое крещение» она получила в художественном театре, украшением которого оставалась в течение всех сорока лет своей деятельности (Т.Л. Щепкина-Куперник); «Устраивали балаган, причем И.М. Москвин изображал

служу – старательного дурака, вроде Рыжего в цирке, который опускал и подымал занавес (всегда не вовремя). Он прислуживал фокусникам, подавал им не те предметы, которые им были нужны, наивно выдавал секрет трюка, ставил в дурацкое положение самого фокусника» (Стан.); «Для нас сегодня КГБ – страшный безликий тарантул, жаливший насмерть миллионы людей. Это чудовище поубивало и моих близких. <...> Негодяи, кровопийцы, палачи, беспрекословно выполнявшие любые команды солдаты, садисты» (М.М. Плисецкая); «и росла я белоручкой – чашки за собой не давала мне вымыть», «Сначала вы этой атмосфере появляются добровольные стукачи – негодяи первыми чуют, откуда ветер дует, и первыми лезут к кормушке» (Г.П. Вишневецкая). Заметим, что в аналогичной группе выделяются оценочные характеристики персонажей Э.А. Рязанова, которому необходимо показать разные стороны одного характера, объяснить актерам, почему он видит данный персонаж именно таким: «... Самохвалов, «обаяшка», свой парень, «демократ», широкий, когда ему выгодно, щедрый, когда это принесет проценты, любезный, элегантный...»; «Да, Карандышев, конечно, «маленький человек», но он не из тех разночинцев, которые пополняли ряды демократов. Он либеральный фразер, болтун и завистник»; «Современная же островскому критика поняла Ларису как сентиментальную мещанку, которая не в силах разглядеть дешевый блеск в провинциальном ловеласе Паратове» (Э.А. Рязанов).

Встречаются косвенно оценочные высказывания с последующей аргументацией: «Он сочетал в себе черты русского самодура и европейского журналиста. <...> К людям вообще он относился с презрением старого авгура, думая, что деньги могут сделать все» (авгур - ирон. 'о том, кто держит в тайне от других свои познания, кто делает вид, что посвящен в особые тайны' (БТС 2001: 25)), «...в Париже принято обедать в платьях декольте, и женщина, не делающая этого, рискует прослыть уродом. Даже женщины за шестьдесят, и те следуют этому неписаному закону», «...был похож на мурильевского ангелочка со своими темными кудряшками» (Т.Л. Щепкина-Куперник); «С первого мига Руди показался коротышкой. Пиджачок на нем кургузый, по тогдашней моде, скрывающей рост» (М.М. Плисецкая).

— безаргументативных эмоционально-оценочных единиц, не сопровождающихся какими-либо комментариями (Н.В. Мордюкова), среди которых можно выделить три группы: 1) собственно оценочные лексемы: *гений, бугай, талант, предатель, красавец, красавица, молодец, душечка, душенька* и др.; 2) лексемы с субъективно-оценочными суффиксами: *букетик, дружок, бабонька, братуша, медсестричка, мамочка, жenuшка, девчушка, девчата, немчик, немчушка, шанхайчик, рахитик, пацаненок, пацанва, комсомолочка* и др.; 3) аффективы с ярко выраженным эмоционально-оценочным компонентом (бранные слова), большинство из которых представляет грубо-просторечную лексику: *обалдуй, козел, зараза, дура, гадина, бикса, курва* и др.

Заметим, что преобладание лексем второй и третьей групп в текстах мемуаров (в частности Н.В. Мордюковой) связано с индивидуальными особенностями личности автора, кругом общения, происхождением, а присоединение суффиксов субъективной оценки к номинациям одушевленных предметов, по мнению С.Г. Тер-Минасовой (Тер-Минасова 2004: 192), «показывает уважение, такт, хорошее отношение к окружающим», в то время как их присоединение к номинациям

неодушевленных предметов (так, в тексте Н.В. Мордюковой последние весьма частотны: *платьице, капуста, глазенки, хлебушек, юбочка, ручки, ручонки* и др.) демонстрирует следующую закономерность: «Чем хуже благосостояние народа во всех отношениях, тем заметнее рвение к прекрасному (в духовном смысле прежде всего среди интеллигенции) и просто красивому, будь то одежда, духи или мебель. Грубость жизни отразилась в языке не только богатым запасом бранных выражений, но, как это ни парадоксально, также любовью к ласкательно-уменьшительным словам, диминутивам, активным использованием языковых средств выражения подчеркнутой вежливости» (Тер-Минасова 2004: 194).

— *оценок с имплицитно выраженным основанием* (Л.М. Гурченко, А. Демидова): «*Кобзон есть Кобзон*» (этическая оценка); «*Актриса. И этим все сказано*» (этическая оценка); «*Если и была, есть и будет высокая планка в жизни, в профессии, в испытаниях через причуды изменяющегося времени, то это, конечно, Майя Плисецкая*» (этическая оценка); «*Когда он на сцене, у меня всегда особый покой и удовольствие*» (совмещенная оценка) – Л.М. Гурченко.

Анализ общих для мемуаристов оценочных номинаций позволяет определить сходства их речевых стратегий в зависимости от сходства экстралингвистических факторов (пол, профессия, время, происхождение). Проведенный анализ подтверждает положение о том, что члены одного социума имеют одинаковые духовные и материальные потребности, интересы и, соответственно, схожие реакции на внешний мир и языковые предпочтения.

Так, общими для языка мемуаров Т.Л. Щепкиной-Куперник и К.С. Станиславского оказалось 14 единиц: *бабы, богатырь, виртуоз, королева, красавец, красавица, мастер, невежда, рабы, самодур, молодец (добрый), старуха, старушка, цветник (у Станиславского цвет)* – доминируют эстетические оценки; для мемуаров Т.Л. Щепкиной-Куперник и Н.В. Мордюковой оказались 10 единиц: *баба, тетенька, ангелочек (у Мордюковой - ангел!), девицы, дитя, красавец, красавица, старуха, старушка, молодец (добрый)* – доминируют эстетические оценки; для Т.Л. Щепкиной-Куперник и М.М. Плисецкой – 18 единиц: *звезда, ангелочек, бабы, богема, воительница, девицы, дитя, красавец, красавица, красotka, мастер, мерзавец, молодец (русский), старуха, старушка, чародей, шпionка* – доминируют эстетические; в мемуарах Т.Л. Щепкиной-Куперник и Э.А. Рязанова зафиксированы следующие одинаковые оценочные слова (11): *звезда(2), болото, держиморда, интеллигент, красавица, мастер, урод, цветник, мерзавец, самодур* – доминирует эстетическая оценка; К.С. Станиславский – Н.В. Мордюкова – 7 общих единиц: *гений, дитя, дура, красавец, красавица, старуха, старушка* – доминирует эстетическая оценка, К.С. Станиславский – М.М. Плисецкая – 13 единиц: *любитель, творец, аферист, баба, верзила, гений, дитя, дура, дурак, красавец, красавица, трус, мастер* – доминируют эстетические оценки; К.С. Станиславский – Э.А. Рязанов (16): *авантюрист, аферист, болван, гений, глупец, дурак, красавица, мастер, самодур, ничтожество, пьяница, скандалист, трус, храбрец, самородок, шулер* – доминирует этическая оценка; Н.В. Мордюкова – Э.А. Рязанов (5): *талант, чудо, мужички, спекулянт, труженица* – доминируют этические и эстетические оценки; М.М. Плисецкая – Э.А. Рязанов (33): *рубаха-парень, мерзавец, полуподонки (у М.М. Плисецкой подонки), старик, стукач (2), хам, подхалим, душегуб, мастер, талант, скоты (скотина у М.М.*

Плисецкой), *ас, старуха, бессребреник, враги, гений, греховодник, дурак, забияка, завистник, заводила, наглец, остроумец* (у М.М. Плисецкой *острослов*), *подонки, садисты, смельчак, тиран, трус, умница, циник, чинуша, чудовище* – доминируют этические оценки.

Обнаружено, что в языке К.С. Станиславского, Р.А. Рязанова, Т.Л. Щепкиной-Куперник и М.М. Плисецкой отражены схожие представления о людях, вследствие чего создаются одинаковые экспликации этических, эстетических и смешанных оценок; оценочная же лексика Н.В. Мордюковой характеризует автора как яркую, нетипичную для русской мемуарной прозы языковую индивидуальность.

Интересным представляется тот факт, что в мемуарной литературе американских актеров (в сопоставлении с русской мемуаристикой) в целом оценочные номинации лиц присутствуют реже, однако чаще они наблюдаются в языке мемуаристок. Заметна также асимметрия оценочного знака в пользу отрицательно-оценочных единиц. В большинстве случаев подобные ингерентные оценки характеризуют моральные качества: *a miscreant* (злодей), *a quack* (шарлатан), *hypocrites* (лицемер), *an impostor* (самозванец), *a sinner* (грешник), *a miser* (скупец), *philanderer* (бабник) (М.Монро); адгерентные оценки представлены в большей степени контекстуальными ситуативными оценками («*Blond*» – блондинка, *a disciplinarian* – педант); присутствует оценка, возникающая под влиянием сочетающейся единицы (*a party nudist* – партийный нудист); совмещенные же оценки, характеризующие талантливого человека, представлены единичными употреблениями (*idol, a movie queens, genius*), так же, как и оценки, совмещающие характеристики внешности и моральных качеств (*siren*). Эстетические оценки, номинирующие лицо, в американских мемуарах также представлены небольшим количеством единиц (*belle* – красавица, *a real beau* – настоящий денди, *an exceptional beauty* – красавица). Окказиональное употребление оценочных единиц практически не встречается, исключение составляет единственная номинация в тексте Дж. Фонды («*tomato*» – *a luseious, ripe young thing* (*momam* – *досл.* сочная, зрелая молодая штучка, о девушке, пленившей уже немолодого человека и готовой выйти за него замуж). Заметим также, что в английских текстах практически отсутствуют номинации лиц с субъективно-оценочными суффиксами (*girl* [девочка] – *girlie* [двчужка] – редкое исключение), что, по словам Тер-Минасовой, происходит «не просто потому, что в английском языке нет такого количества и разнообразия уменьшительно-ласкательных суффиксов, а главным образом потому, что у них этого нет в менталитете. А в менталитете нет, потому что нет в языке, и они не приучены языком к таким «нежностям» (Тер-Минасова 2004: 194).

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕНВЕНИСТ, Э. (1974): *Общая лингвистика*, Москва.
БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА (2001), «Норинт», Санкт-Петербург.
ВОЛЬФ, Е.М. (1985): *Функциональная семантика оценки*, Наука, Москва.
ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1997) *Язык. Культура. Познание*, Русские словари, Москва.
ВИШНЕВСКАЯ, Г.П. (2005): *Галина, Вагриус*, Москва.
ГУРЧЕНКО, Л.М. (2004): *Люся, стоп!* Изд-во Эксмо, Москва.
ДЕМИДОВА, А. (2008): *В глубине зеркал*, Вагриус, Москва.

- КАРАСИК, В.И. (1992): Язык социального статуса, Москва.
- МОРДЮКОВА, Н.В. (2005): Казачка, Вагриус, Москва.
- ОЖЕГОВ, С.И. (2004): Словарь русского языка, «ООО» Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», Москва.
- ПЛИСЕЦКАЯ, М.М. (2005): Я, Майя Плисецкая..., Новости, Москва.
- РОМАНОВА, Т.В. (2003): Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе, Изд-во С. Петерб. ун-та, Санкт-Петербург.
- РЯЗАНОВ, Э.А. (2005): Неподведенные итоги, Вагриус, Москва.
- СЕРГЕЕВА, Л.А. (2003): Проблемы оценочной семантики, Изд-во МГОУ, Москва.
- СУДЖАТА, РАО, Оценка с помощью кавычек / Рао Суджата // Русская речь. –1996. – №3. – С.50–52.
- СТАНИСЛАВСКИЙ, К.С. (2006): Моя жизнь в искусстве, Вагриус, Москва.
- Тер-Минасова, С.Г. (2004): Язык и межкультурная коммуникация, Изд-во МГУ, Москва.
- ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА (1935 – 1940): В 4т. / Под ред. Д.Н. Ушакова, Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, Москва.
- ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК, Т.Л. (2005): Дни моей жизни, Захаров, Москва.
- CALLOW, SIMON (2003): Being an actor, 1st Picador ed., New York.
- CHAPLIN, CHARLES (2003): My Autobiography, Penguin books, London.
- FONDA, JANE (2006): My life so far, Random house trade paperbacks, New York.
- MONROE, MARILYN (2007): My story, Taylor trade, New York.